

— Тётя Хуэй, вы его видели? — и Ли Жун, и Цэнь Сяо выглядели искренне изумленными.

Один из них в прошлом был самым молодым руководителем исследовательской группы в институте «Хунсо», другой — фактическим правителем Третьего района Объединенной торговой палаты «Ланьшу», но ни тот, ни другой не имели ни малейшего представления о символе, на который намекнул Чжан Чжаохэ.

Ли Жун полагал, что значение этого узора скрыто на глубине, недоступной даже для их круга, и никак не ожидал, что Тётя Хуэй окажется с ним знакома.

Единственное, в чем она их превосходила, так это в количестве лет, проведенных в стенах Университета А.

В свое время Сюй Танхуэй заведовала университетскими лабораториями, а после того как её оклеветали и уволили, она долгие годы торговала на площади у входа. Благодаря помощи Ли Цинли она имела доступ к библиотеке и компьютерным залам — местам, которые отнюдь не были секретными.

«Неужели они искали не там?»

— Может, вы видели его в библиотеке? — предположил Цзянь Фу.

— Если в библиотеке, то искать придется долго, — вздохнул Линь Цинь. — Говорят же, что в Университете А их великое множество.

Сюй Танхуэй замаялась и покачала головой:

— Дайте мне время подумать. Слишком много воды утекло, нужно всё хорошенько сопоставить.

— Хорошо, — мягко успокоил её Ли Жун. — Не торопитесь, вспоминайте постепенно.

Это дело действительно не требовало спешки. Раз уж Чжан Чжаохэ намеренно показал ему этот знак, рано или поздно он сам всё расскажет. Вот только если они будут ждать его откровений, то могут упустить инициативу.

Юноша задумчиво постучал пальцами по столешнице и перевел взгляд на Цзянь Фу:

— Когда освободишься, пробей для меня одного человека по имени Сун Хэ. Это мой второй сосед по комнате.

— А что искать? — оживился тот. — Неужели оба твоих соседа как-то замешаны в этой истории?

Он едва заметно улыбнулся:

— Скорее всего, он мелкая сошка. Но это ощущение чужого взгляда в спину... Оно порядком раздражает.

— Понял, сделаю.

Цзянь Фу уже привык к взломам систем безопасности — в Первом районе к его художествам относились как к чему-то само собой разумеющемуся.

Когда с делами было покончено, разговор перетек в более легкое русло. Цзи Сяочуань сыто рыгнула и, потирая живот, погрузилась в состояние блаженного созерцания.

— Обедать с вами... — пробормотала она, — это верный способ... растолстеть. Вы сами... почти ничего не едите.

Линь Цинь боялся набрать лишний вес и после долгой диеты ел совсем понемногу. Мысли Цзянь Фу и вовсе были заняты не едой, хотя девушка так и не поняла, почему он постоянно норовит вставить слово в ответ на каждую реплику Линь Циня.

Ли Жун и Цэнь Сяо всё время обсуждали дела, почти не притрагиваясь к палочкам, а Тётя Хуэй, привыкшая к домашней кухне, чувствовала себя неуютно в таком дорогом ресторане.

Сюй Танхуэй с улыбкой налила собеседнице стакан воды с лимоном:

— Хороший аппетит — это счастье. Пока молодая, нужно есть побольше вкусного. Вот доживешь до моих лет, и аппетит сам пропадет.

Она пригубила воду и кротко улыбнулась:

— Наверное, я... просто отрываюсь за старое. Когда родился... младший брат, всё самое вкусное... стали отдавать ему.

Говоря о семье, Цзи Сяочуань держалась спокойно — эта тема больше не причиняла ей прежней боли. Сейчас она помогала Тёте Хуэй вести дела в интернет-магазине. Жизнь Сюй Танхуэй перестала напоминать стоячее болото: помимо перчаток и шарфов, она начала вязать крючком кукол, мягкие игрушки и брелоки. Благодаря рекламе Линь Циня заказы лились рекой. Девушка уже могла обеспечивать себя сама, и ей больше не нужно было унижаться, выпрашивая деньги у родителей.

— Твои родные поступали неправильно, — серьезно заметила Сюй Танхуэй. — Даже если это брат и сестра, нельзя отдавать всё младшему. Это несправедливо.

Девушка пожала плечами:

— Ждать, что мои родители... поймут детскую психологию или... педагогику — это утопия. Они никогда... не изменятся.

— Они пытались связаться с тобой за последнее время? — спросил Ли Жун.

Цзи Сяочуань поправила волосы и надула губы:

— Пытались. Но я... я не стала с ними встречаться.

— Не позволяй им тянуть из тебя жилы, — наставительно произнес староста. — Сосредоточься на учебе. Если возникнут проблемы, скажи мне или Цэнь Сяо, мы разберемся.

Она допила сладковатую мятно-лимонную воду и облизнула губы:

— Я... я поняла.

Линь Цинь отодвинул в сторону мешавшегося под рукой Цзянь Фу и посмотрел на Ли Жуну:

— Кстати, староста. На лекции по сценарному мастерству наш преподаватель упомянул профессора Ли. Он уверен, что профессора Ли подставили. Он был в музее автомобилей и сказал, что если хоть одна деталь в обвинении не выдерживает критики, то под сомнение нужно ставить всю информацию. А еще он добавил, что со временем эта история может стать отличным материалом для экранизации в жанре реализма.

На его губах заиграла мягкая, вежливая улыбка.

— Хорошо, — негромко ответил он. — Надеюсь, когда правда всплывет на поверхность, кто-нибудь действительно захочет это экранизировать.

Юноша с невозмутимым видом подцепил палочками кусочек вареной белой редьки и медленно принялся жевать. Овощ уже остыл, и смешанный с ароматом карри вкус показался ему приторным и тяжелым.

Цэнь Сяо под столом крепко сжал его ледяную левую руку. Он медленно поглаживал тыльную сторону ладони большим пальцем, пытаясь унять горечь, которую староста так старательно подавлял.

Тот замер на несколько секунд, прежде чем крепко сжать руку в ответ. В эти короткие мгновения юноша убеждал себя, что может справиться сам, что он достаточно силен, чтобы переварить это в одиночку. Ему не нужна была поддержка в таких мелочах. Но в итоге он сдался. В том, чтобы на кого-то опереться, не было ничего плохого.

Цэнь Сяо понимал его без слов. То, что в глазах посторонних было лишь «отличным материалом для сценария», для юноши было всей его жизнью.

Он не мог требовать от окружающих сопереживания, и уж тем более не мог заставить тех, кто видел истину, открыто заявить о ней. Он никогда не питал иллюзий относительно человеческой природы, но даже так мелкие уколы всё равно отзывались болью в сердце.

Искусство тем долговечнее, чем оно печальнее; тем глубже, чем оно трагичнее. Вот только боль его родителей была настоящей. И хорошие люди не заслуживали того, через что им пришлось пройти.

После обеда все разошлись по своим учебным заведениям. Вежливая улыбка наконец исчезла с лица Ли Жуна. Перед Цэнь Сяо ему не нужно было притворяться, и под лучами палящего солнца он выглядел немного поникшим.

Ли Жун сверился со временем и спросил:

— У тебя ведь есть пары днем?

— Есть.

— И у меня тоже, — пробормотал он.

Причем это была лекция самого Чжан Чжаохэ — «Введение в биохимию», базовый курс для их специальности.

— Давай не пойдем, — предложил Цэнь Сяо.

Юноша вскинул на него взгляд:

— Что ты сказал?

— После обеда полагается немного поспать, — невозмутимо ответил тот. — Пойдем ко мне домой.

Ли Жун замер, недоуменно моргая:

— Ты серьезно?

— Вполне.

Староста открыл было рот, чтобы возразить, но в последний момент передумал.

Они поймали такси и доехали до квартиры Цэнь Сяо. Это жилье было куда просторнее той комнаты, которую раньше снимал Ли Жун. Здесь была невероятно уютная спальня с огромной кроватью, а подушки были набиты травами с легким седативным эффектом.

Он снял верхнюю одежду, но его взгляд всё равно невольно косился на настенные часы:

— Ничего, если ты пропустишь занятия?

Собеседник развернул его к себе, откинул одеяло и, мягко подтолкнув, уложил Ли Жуна в постель.

— Это не имеет значения.

Центральный кондиционер поддерживал в квартире идеальную температуру, так что спать под одеялом было одно удовольствие. Тяжелые шторы не пропускали ни единого солнечного луча.

Ли Жун высунул голову из-под одеяла и посмотрел на Цэнь Сяо, невольно рассмеявшись:

— И что это на тебя нашло?

Они редко позволяли себе тратить время на дневной сон. В прошлой жизни всё было точно так же: дел всегда было невпроворот, они не могли остановиться ни на миг. О том, чтобы бросить всё, прогулять лекции и просто вернуться домой поспать, не могло быть и речи.

Цэнь Сяо лег рядом, притянул его к себе вместе с одеялом и негромко произнес:

— Ты должен позволять себе минуты слабости. Позволяй себе иногда просто прийти ко мне, чтобы согреться.

<http://bllate.org/book/15351/1442577>